

Андрей ДМИТРУК

АУРЕНТИНА

Фантастический рассказ

Коралловый песок, блестящий, белый и тонкий, как алмазный порошок, — песок, уходящий с края необозримых пляжей в изжелта-голубую, почти невидимую глубину воды; пена прибоя, тающая с нежным шипением, и слоистые обрывы, прикрытые фестонами цветущих мхов; буйный, пронизанный солнцем лес в ущельях, ледяные родники, играющие прозрачной галькой, — такой встречала гостей Аурентина.

Когда легкий алый «Эльф», спасательный катер П-7655, коснулся воды и встал на три опорные подошвы, на коралловом дне, узловатом и вспененном, подобно сахарному сиропу, застывшему в кипении, заметались голубые многоножки, испуганно завихря пышную дыхательную бахрому. И каждый капилляр этой бахромы был отчетливо виден на глубине в десять человеческих ростов.

Рита первая выпрыгнула на берег, подала руку Алдоне. Та остановилась, восторженно озираясь по сторонам, но Рита схватила ее за руку, засмеялась, потащила. Бежали, увязая в песке, — он всасывал ноги с характерным вибрирующим писком, — не переводя дыхания, вскарабкались по шатким багровым глыбам осыпи. Обе девушки — пилот и врач Спасательной службы — были сильные и прекрасно тренированы, да и тяготение Аурентины уступало земному. Поэтому даже Усагр — Универсальный Синтезирующий Агрегат, смонтированный на базе гравихода, — догнал бегущих довольно далеко от берега, в прямой голубовато-зеленой степи с бархатными пятнами древесной тени на пышной сочной траве и шапках цветов. Получив сигнал, Усагр лег на брюхо и принялся за работу...

Под серебристым зонтичным деревом Алдона поздравила Риту с отменно точным приземлением «Эльфа». Морской ветерок шевелил на волнах степи, вздувал пузырями легкое полотнище парашюта. Опутанный стропами, зарылся в гущу сочных стеблей тусклый бронированный шар. Девушки присели на корточки, внимательно рассматривая грубую броню радиомаяка: их завораживала потрясающая вещественность голый, необлагороженной стали, привычная жителям прошлых веков, но совершенно чуждая эпохе Риты и Алдоны. Было в этом шаре нечто от музейных рыцарских доспехов, от реликтовых паровозов или танков — словом, от изделий тех дней, когда прочность корпуса еще зависела от толщины стенок...

— Неужели действительно сто два года? — спросила Алдона, любовно прикасаясь к поверхности шара.

— Почти сто три — старт был в январе.

— Ты знаешь, я совершенно не представляю себе, как мы подойдем к ним, как начнем разговор...

— Я тоже не представляю, но знаю, что подойдем и начнем.

— Они ведь еще не говорили на интерлинге?

— Ничего, — успокоила Рита. — Тогда тоже были международные языки, хотя и не всемирные: русский, английский... Как-нибудь договоримся.

Алдона все так же поматывала головой, прикусив губу и расширенными прозрачно-серыми глазами глядя на радиомаяк. Рита поднялась, устав сидеть на корточках. За роцей зонтичных, как огромный трудолюбивый бегемот, ворочался перемазанный грязью Усагр, извергал пенистую строймассу и укатывал ее в виде гладкого пола. Живо покончив с этой работой, переключил программу и поставил на пол свежесращенную гибкую кровать...

Отвернувшись от Усагра, Рита увидела подругу, лежащую

Рисунки В. Колтунова

на спине под деревом, и, недолго думая, пристроилась рядом. Так лежали они, время от времени принимаясь обсуждать нюансы встречи, пока не совершились вокруг них главные события этого дня. Быстрое солнце Лурентины сползло к местному западу; возня Усагра стала невидимой, поскольку он взвел стены и крышу дома вокруг себя и теперь «доводил» внутреннюю отделку; и, наконец, в зеленоватом сумеречном небе, чуть тронутым мазками фиолетовых облаков, зажглась пламенная, пляшущая, стреляющая иглами звезда.

И Рита с Алдоной опять бежали, срываясь в овраги, забитые массой травы и вьюнков, — им, непривычным к посадке кораблей с горючим топливом, казалось, что звезда падает прямо на них. А она, пробившись в плотные слои атмосферы, подала голос, такой же подавляюще-вещественный, как грубая сталь радиомаяка, и скоро стала ослепительным полыхающим горном. И свирепое палящее дыхание звезды заставило зажмуриться девушек, спрятавшихся в зеленой и красной, лиственной и цветочной толще оврага. Только Усагр, уже выползший из недр своего плоского одноэтажного детища и отливавший последнюю флуорпанель, не обращал внимания ни на порывы раскаленного ветра, оголявшие рощу, ни на тяжкий спуск рвущейся огненной массы, держащей на себе крутой обгорелый обелиск...

* * *

...Веллерсхоф постарался отдать приказ о выключении планетарных сопел как можно более будничным «командирским» тоном, но сделал это против воли со слезой в голосе... Прекратилась крупная дрожь, вот уже третьи сутки днем и ночью потрясавшая стены и перекрытия светолета. Резкое ощущение невесомости, словно в оборвавшемся лифте, прокатилось от ступней до горла и прощало, поскольку включился имитатор тяготения. Веллерсхоф поднялся из-за селектора и вдруг, подавив желание заорать во всю глотку, бросился в объятия первого навигатора. И навигатор, превратившийся за время полета из хрупкого, с девичьей кожей восемнадцатилетнего паренька в грузного залысого дядю, отчаянно прижался к щеке Веллерсхофа, плохо выбритой из-за тряски торможения.

В кольцевом коридоре жилого корпуса «Титана» распахивались двери, крики и смех катились по ожерелью кают. Навигаторы и программисты, наладчики, энергетика, врачи, связисты, механики, члены научной экспедиции — двадцать семь мужчин и женщин целовались, плясали, откупоривали бутылки, заготовленные еще на Земле, и расплескивали вино, состарившееся во время полета, на гигиенические псевдопаркеты, на устройства ввода, на луковые перья и укропные кисти осточертевшей оранжереи. Вполне естественно, что в эти минуты остро, обморочного счастья никто не вспоминал ни о четверых мучительно погибших в пути, ни о болезнях и ранах, которые, безусловно, не позволят вернуться еще нескольким членам экипажа, ни, наконец, о неизбежности долгого обратного полета. Цель была достигнута! Но, увы, годы возвраще-

ния не обещали быть менее изнурительными и чудовищно опасными, чем четырнадцать световых лет, с той лишь разницей, что теперь экипаж составляют не упругие, веселые, идеально здоровые юноши и девушки, а израненные, усталые люди, которым под сорок и за сорок.

Впрочем, опасности хранил не только обратный путь. В черно-синем мареве голоэкранных, как диковинные океанские рыбы в аквариумах, плавали изображения вождя мира. Первые пять планет были мертвыми и растрескавшимися, как глиняные шары, обожженные неистовым голчаром — высокотемпературным бело-фиолетовым солнцем. До шестой планеты, удаленной от светила на расстояние вдвое большее, чем последняя из пяти мертвых, раскаленный ураган долетал только теплым ветром. Словно ласковый круглый одуванчик, сербрилась перед землянами Шестая, и сквозь толстую пушистую атмосферу сияли голубизна и зелень. Приземлившись и найдя жизнь, — кто знает, не разумную ли? — члены экспедиции Веллерсхофа полностью оправдали бы свой страшный перелет, и даже дорога домой показалась бы не такой тягостной. Никто не сомневался, что начальник разрешит сбросить исследовательскую ракету. Однако природа Шестой, так уютно выглядевшей на расстоянии двадцати тысяч километров, могла приготовить и более жуткие сюрпризы, чем пустой космос.

Не желая больше разговаривать по селектору, Веллерсхоф созвал в центральный салон всех, кто мог передвигаться. Женщины, за исключением двух, катастрофически постаревших, все еще выглядели очаровательными. Впрочем, ни одна из них даже в юности не могла сравниться с Юлианой, его Юлианой, расстрелянной в лобовой рубке атомами водорода, легко пробившими броню при первом релятивистском ускорении... Ожоги и шрамы были искусно загримированы, радужные парики уложены самым обольстительным образом. Если бы не стандартные гранулиновые комбинезоны, чем не очередная дружеская встреча в одной из квартир Астроцентра? Мужчины во весь опор неслись по равнинам галантного красноречия. Гургена Варганяна уговорили спеть, и толстый механик планетарных содел, у которого отнялись ноги после постоянных перегрузок восьмого года, потребовал принести ему гитару. В другом углу гудели неодобрительно: пение им мешало. Там уже собрались желающие послушать продолжение традиционного четырнадцатилетнего спора Окады с Малолетковым. Они сцеплялись по любому поводу, трепали со всех сторон всякую тему, но главный стержень спора — это равновесие технического прогресса и нравственности. Пылкий картограф Малолетков вынужден был сдерживать свой темперамент, чуть ли не по минуте ожидая ответа собеседника, — регулировщик плазмы Окада, дважды живьем горевший, пользовался искусственным голосовыми связками...

Разумеется, наступил момент, когда Веллерсхофа прижали к спинке кресла и потребовали ответить: кто первым высадится на Шестой? И шеф ответил, потому что успел увидеть все, что нужно, и сделать выводы. Ответил так, что любые возражения и недовольства исключались сразу:

— Высажусь я сам, Свидерский и Феррари.

Да, Свидерский, этот костлявый, густо оплетенный мощными жилами, обтянутый какой-то дубленой кожей энергетик казался просто монстром. У него только жесткий ежик волос чуть потускнел, «припылился» за четырнадцать лет, но кибердиагност по сей день показывал его абсолютное здоровье. Второй избранник — маленький, яркоглазый гидробиолог Феррари, неоднократно штопанный электронным хирургом, держался даже лучше мрачноватого Свидерского, держался только своей неистощимой, сверхчеловеческой, утомительной для окружающих бодростью.

Распустив коллег по каютам (причем без ворчания на самоуправство шефа все-таки не обошлось), Веллерсхоф стал перечислять в микрофон все, что кибергрузчики должны были павьючить на спускаемый аппарат:

— Скафандры высшей защиты с передатчиками радио и лазерными — шесть экземпляров. (Все задублируем на всякий...) Резонансное орудие с турелью частот. Ручные плазмометры... э-э... ну, тоже шесть штук. Комплект генераторов силовой ограны. Бипокли для краев спектра. Три киберкопателя. Аптечка усиленная с диагностом. Патроны дымовой завесы...

* * *

— Бедная наша Аурентина, что они с ней сделали! — сокрушалась Алдона, глядя, как от спустившегося корабля во все стороны разбегался по степи жирный черный дым, как стреляло пламя из догоравших роц.

— Они не умеют иначе, — почему-то шепотом ответила Рита. — Ты же знаешь, у них космодромы были в самых глухих пустынях, потому что все горело при старте.

— Одно дело видеть это в киноархиве, а другое... Нет, я теперь никогда не успокоюсь! Сколько цветов!..

Рита стряхнула пепел с лица и волос, решительно вылезла из оврага. Только теперь, с высоты своего немалого роста, увидела она гигантский выгоревший круг, черную язву вокруг ракеты. Нежные причудливые соцветия, прозванные «барашками» и «лиловцами», туго сплетенная плоть выюнков и папоротников, ломкие стрелы древесных побегов — немислимо щедрый мир, где по спутанным стеблям, как по золотистым шлангам, неслись пузырьки горячих соков, целый мир был испепелен, приведен к тошному образу сгоревшей кучи мусора. У Алдоны, уже стоявшей рядом, защипало в носу, но она сдержала слезы и лишь спросила, приглушив голос по примеру подруги:

— Неужели, неужели они не могли сесть где-нибудь на севере, за Розовым проливом? Там голый солончак, пески...

— Смешная ты, Алька, — ответила рассудительная подруга. — Они же не знают Аурентину так, как мы с тобой. Нащупали локатором ровное место, сбросили радиомаяк и сели. Да и вообще, это были немножко другие люди, тем более перенесшие такой полет. Цветы их мало интересуют, поверь мне...

— Не знаю, — печально ответила Алдона. — Мне кажется, что я после четырнадцати лет в железной коробке молилась бы каждому цветку, а не то что... Да, конечно, другие люди. Я читала, что в те времена стыдились проявлять нежность, чуткость... особенно мужчины! Мне бы никогда не понравился такой... Ой! — Она тревожно схватила Риту за руку. — Слушай, ведь они наверняка составили разведгруппу из одних мужчин, черствых, жестоких! Мы подойдем к ним, а они не разберут издали, кто мы такие, и начнут стрелять.

— Кажется, ты слишком часто бываешь в киноархиве, Алдика. Не такие уж они были дикие... Тем более мы сначала свяжемся по радио. Все будет нормально.

— Надеюсь, — вздохнула Алдона и долго смотрела, как бегут дымные огоньки по стволам деревьев, оказавшихся на границе пала. С неземной быстротой опустилась ночь, и россыпи тлеющих углей уподобились огням большого города.

— Идем-ка лучше в дом, спать, — сказала Рита, обнимая подругу за плечи. — Они до рассвета не выйдут. Во-первых, ночь, во-вторых, конечно, они сразу увидят, что кислорода здесь хватает и радиация не выше нормы, а вот с микробами провозятся до утра.

— Так, может быть, установим связь прямо сейчас? — оживилась Алдона. — Зачем заставлять их делать лишнюю работу?

— Не надо, — сказала Рита, подумав над предложением. — Спуск на такой машине очень утомителен, они должны отдохнуть. И нервы у них напряжены, а наш голос вдруг, сама понимаешь...

— Они подумают — это местные жители, гуманоиды! — засмеялась Алдона и неожиданно резюмировала: — Все равно мне почему-то жутко.

Рита обняла ее более настойчиво, заставила сдвинуться с места, и они побрели, шурша травой и обрывая цепкие вьюнки, отбрасывая их в сторону мерцающих фар Усагра.

* * *

Межзвездный светолет «Титан», использующий импульсную аннигиляционную тягу, был построен почти на исходе эпохи, которую телевизионные комментаторы успели окрестить «несостоявшейся релятивистской». Название было хлестким, но, к сожалению, довольно верным.

К середине XXI века — значительно позже, чем полагали футурологи, — земляне наконец-то добились определенного единства действий в масштабах всей планеты. Первые международные объединения стали строить мощные космические корабли, скоро посетившие все уголки солнечной системы. Были установлены регулярные сообщения с Венерой, Марсом и «рудничным чудом» — Меркурием. На этих рейсах безотказно трудились испытанные за полвека ядерные планетолеты: в экспедициях к внешним планетам «обкатывались» термоядерные, а затем и аннигиляционные модели. Наконец, в конце 70-х годов общеземными усилиями были собраны в откры-

том космосе первые релятивистские великаны, предназначенные для посещения ближайших звезд. Ни один сверхтугоплавкий рефлектор не выдержал бы импульсной аннигиляции на протяжении нескольких лет, поэтому «зеркала» новых кораблей были настолько огромны, что фокус сгорания находился в десятках километров от их поверхности. Для безопасности экипажа многокилометровые трубы-тоннели соединяли двигатель с жилым корпусом, одетым в чудовищную броню из металла и магнитного поля. Носовой квантовый преобразователь, вынесенный далеко вперед, время от времени создавал «псевдомассу» с колоссальной гравитацией — это делалось для улавливания рассеянного межзвездного вещества. Понятно, что такой «корабль» — тончайшее вогнутое зеркало размером с большой город, подвешенное к длинной гирлянде из труб, тросов, разгонных сопел и бронированных шаров, — такой «корабль» не мог не то что совершать посадку, но даже приближаться к планетам. Впрочем, от звездолета требовалось только подойти к объекту и лечь на дальнюю орбиту: для дальнейших исследований были приторочены к «гирлянде» обычные атомные ракеты.

Как водится, несколько видных ученых немедленно выступили с восторженными заявлениями, из коих явствовало, что данная система звездолета является идеальной потому-то и потому-то (следовали формулы) и в ближайшую тысячу лет может претерпеть лишь частные усовершенствования.

В трех первых, очень близких релятивистских полетах участвовали только автоматы. «Сжатие» пространства-времени для летящего корабля, возрастание массы — все эти отвлеченные физические категории были изучены экспериментально. Затем состоялся полет одиннадцати человек в сторону Проксимы Кентавра, достаточно удачный, но, увы, не много прибавивший к сообщениям автоматов. По трассе в четыре световых года было невозможно вести корабль с субсветовой скоростью, — едва разогнавшись, пришлось бы тормозить. Значит, не состоялась главная проверка, проверка реакций человека на максимальные релятивистские эффекты.

Вскоре после возвращения экспедиции с пустынных планет Проксимы — экипаж отсутствовал одиннадцать собственных лет и пятнадцать земных — были закончены расчеты траектории в 74 световых года полета к белой звезде, от которой поступали некие осмысленные радиосигналы. С предельным ускорением, какое выдержат космонавты в течение долгого времени, светолет разгонится не менее чем до «восьми девяток после нуля» и пройдет путь до звезды за четырнадцать собственных лет.

Именно для этого района, вызвавшего бурную полемику как в ученых кругах («безумная авантюра», «жертвоприношение»), так и среди широких слоев населения («забрать у Земли столько энергии!»), был построен суперсветолет «Титан» со стокилометровым зеркалом и добавочными баками антивещества, превосходивший своего «кентаврианского» брата по величине, как кондор ласточку. Резервное топливо предназначалось для регулярных радиопередач, в то время как другие светолеты имели возможность послать импульсы дальней связи толь-

ко два-три раза во весь полет, — скажем, сообщить о прибытии к месту назначения или об обратном старте.

И «Титан» говорил с Землей. На протяжении многих десятилетий рассказывал обо всем, что творилось на его борту. Удивительными были эти передачи, искаженные замедлением времени, — от импульса до импульса проходили часы и сутки, хотя корабельный радист стучал ключом с профессиональной скоростью. Редкие, полустертые межзвездным шумом сигналы складывались в страшные своим лаconiзмом рапорты о том, как на скорости в «семь девяток» любая пылинка, летящая навстречу, устраивает мощный взрыв на броне, как растет поток заряженных частиц, проникающих сквозь пол, и поднимается радиация в жилом корпусе; как бесконечно возросшая масса тел заставляет экипаж постоянно лежать в ртутных ваннах; как медленно умирают раненые или облученные космонавты, и никто не в силах сдвинуться с места, чтобы им помочь... Многие сообщения были бесценными для науки, но страдания экипажа «Титана» лишали спокойствия всю Землю. И мало-помалу строители звездолетов сворачивали с привычных инженерных путей...

На пятьдесят восьмом «земном» году полета передачи прекратились. «Титан», грандиозный, как ни одно из сооружений в истории цивилизации, овеянный более трагической славой, чем корабли полярных первопроходцев или венерианские десанты, окончательно ушел в темноту, в небытие, быть может, не являвшееся смертью, но равное ей.

Но Земля, старшаяся подбодрить своих героев и мучеников, все-таки послала пропавшему кораблю еще одно, радостное сообщение.

После ухода «Титана» состоялось еще несколько аннигиляционных перелетов на меньшие расстояния, две или три катастрофы, и эпоху релятивизма окончательно назвали «несостоявшейся». Попросту никто больше не находил нужным отправлять людей на десяти- или пятидесятилетнюю пытку, на заведомую гибель части улетевших ради крошечного шанса найти что-нибудь неожиданное, неизвестное Земле. Шанса, который так и не осуществился ни в одной из экспедиций, находивших после всех разрушительных лет полета либо беспланетные светила, либо ледяные мертвые миры... А если рано или поздно и сбудется надежда, — кому нужны будут наши открытия на Земле в XXII и XXV столетиях? Так закончилась эпоха, и надгробную плиту над ней положил международный коллектив физиков-«абсолютистов». Как полувеком раньше усилиями кибернетиков была прекращена вивисекция — опыты над живыми организмами, — так сейчас с помощью небанального научного решения прекратились муки космонавтов. Физика «абсолюта» доказала возможность мгновенного «воспроизведения» любой материальной системы на любом расстоянии, вне обычных понятий об удаленности и скорости. Вот об этом-то событии, возвестившем начало космической зрелости, говорила Земля в своем последнем обращении к «Титану»...

Но Веллерсхоф, Свидерский и Феррари, вышедшие утром из ракеты на поверхность загадочной Шестой, не слышали этой передачи. Неимоверно сильное поле тяготения, возникшее во-

круг корабля на скорости в «девять девяток», прервало связь с Землей.

В десантную исследовательскую ракету, сброшенную с «Титана» проникла другая передача: приветствие, произнесенное чистым девичьим голосом...

* * *

Все-таки Феррани не удержался от возгласа, и даже Свидерский, человек без нервов, человек без болезней и слабостей, вдруг обессиленно оперся на плечо шефа, — никакая радиопередача не может быть столь убедительной, как появленис... гм... хозяев передатчика. За краем выжженного круга волновалась роскошная бирюзовая степь. От ее края, каждым шагом разбрасывая клубы сизого пепла, шли к ракете две девушки, обе даже без масок биозащиты, в легких светлых костюмах с брюками, заправленными в изящные сапоги, с пестрыми шарфиками на шее. Шедшая впереди темноволосая, рослая, большеротая девица широко улыбалась и энергично махала кистью руки. Ее чуть отставшая спутница, гибкая блондинка с круглым полудетским лицом, держалась более осторожно и чуть ли не испуганно.

— Ну, вот и все, — почему-то сказал своим спутникам Веллерсхоф и принял более непринужденную позу, подняв правую руку над головой.

— Здравствуйте, — сказала Рита, подойдя и платком стирая с лица пепел. — Я же вам сказала, что маски не нужны. Здесь нет опасных бактерий.

— Ага, — ответил Веллерсхоф и стащил биофильтр. Остальные последовали его примеру, — на лицах остались красные следы упругих краев маски. Последовала церемония знакомства и рукопожатия, причем Феррани привел девушек в замешательство, приложившись к ручкам, и сказал, косясь в сторону более симпатичной ему краснеющей Алдоны:

— Да, здесь нет бактерий, но есть прямая опасность подхватить некое сердечное заболевание...

Веллерсхоф механически усмехнулся, спросил:

— Так, как вы говорите, называется эта милая планета?

— Аурентина, — проскрежетал вдруг Свидерский. — Я запомнил. Ну что ж, этого следовало ожидать. — И смял маску в кулаке так, что побелели костяшки пальцев.

— Тише. Ян, ради бога, они же не виноваты! — вступился Феррани. — Ведь прошло больше века — сто три года! Скажи спасибо, что девушки остались такими же красивыми, как в наше время!..

— Да, сто три. Ближе к расчетам, — снова выдавил улыбку шеф. — И никакого разума здесь, конечно, не обнаружено?

— Нет, — виновато сказала Алдона. — Это звезда так пульсирует... Похоже на радиосигналы.

— Чертова лотерея! — фыркнул Ян.

— Знаете что, — твердо сказала Рита. — Мы потом наговоримся, надоест еще. Зовите всех ваших в дом... мы для вас дом построили. Сколько вас? Двадцать восемь?

— Двадцать семь, — уточнил Веллерсхоф. — Об одном погибшем Земля, видимо, не знает. Это Сайфутдинов.

На секунду замывшись, Рита мужественно продолжала:

— Если надо, наш корабль перенесет всех больных, раненых...

Алдона защебетала, чувствуя неловкость от всей этой ситуации и от более чем откровенных взглядов Феррари:

— Я врач Спасательной службы, и я запрещаю вам волноваться. Через два дня вы уже будете на Земле. А пока отдохайте! Аурентина такой уютный мир, теплый, цветущий, ее все любят, на ней лечатся покоем...

Она взяла Веллерсхофа за руки, умоляюще посмотрела снизу вверх в его светлые, расширенные, как от боли, остановившиеся глаза:

— Здесь есть чудесные минеральные источники... Честное слово, Координационный Совет уже решил строить здесь курорт!

Алдона успела еще перехватить негодующий взгляд Риты, как Свицерский, до сих пор молчавший, глядя вбок и покачиваясь с носков на каблуки, вдруг заорал хрипло: «Курорт вам?!» И ухватил ее за плечи. Ей никогда не приходилось видеть лица, искаженного такой злостью и так близко от себя...

Когда их разняли, Свицерский резко повернулся и зашагал к ракете.

— Луиджи, — многозначительно сказал шеф.

И низенький Феррари, в последний раз скользнув взглядом по статной фигурке перепуганной Алдоны, со всех ног бросился догонять коллегу.

— Вы можете простить его? — отчужденно спросил Веллерсхоф.

— Конечно, — ответила Алдона, прижимая ладони к вискам, чтобы сдержать бисение крови. — Я сама виновата. Не надо было так, сразу...

— Они успокоятся, — сказал шеф. — Идемте к вам. Я первый. Может быть, у вас что-то не так, как мы привыкли.

Он двинулся вперед, спросил на ходу:

— Вы давно нас тут ждете?

— Нет, — ответила Рита. — На расчетном курсе вашего корабля не оказалось, а истинный сумели найти чуть ли не три дня назад. Еще немного, и мы ловили бы вас на обратном пути.

— Хорошо, — саркастически улыбнулся Веллерсхоф. — Колумб, приплывший в нью-йоркскую гавань, прямо к подножию статуи Свободы... От вас можно будет вызвать все наши ракеты? Впрочем, что за глупость! Конечно, можно.

И Веллерсхоф вошел по пояс в медовую, спутанную вьюнками, полную цветов траву Аурентины.

Рита переглянулась с Алдоной и вдруг приказала:

— Стойте.

Веллерсхоф остановился, и впервые на его окаменелом лице выразилось что-то похожее на удивление.

Тогда Рита подошла к нему вплотную.

— Вы мне не нравитесь, Веллерсхоф. Извините. Я знаю это ваше спокойствие. Уж лучше впасть в истерику, как Свицер-

ский, чем вот так, молча... — Долго смотрела в самые зрачки начальника экспедиции, пока в них не засветился теплый огонек. — Вот так лучше. Я все-таки бегала в учебный класс мимо памятника... памятника вам, Веллерсхоф. Да. Посреди площади, с рукой, протянутой к звездам. Я ваше имя знаю с трех или четырех лет. А немного позже я узнала, что ваша экспедиция была самой нужной в истории Земли. И самой результативной. Если бы не наше всеобщее чувство вины перед вами, мы бы вас тут не встретили. Мы бы просто не работали так отчаянно, чтобы проломить пространство и время. Чтобы никто больше... не... — Она заплакала, и Веллерсхоф подхватил ее с одной стороны, а Алдона обняла с другой. Но Рита все же договорила: — ...Потому что, пока страдает хоть один, Земля не может быть счастливой!

